Изъ воспоминаній генерала Николая Богдановича Броневскаго [1]).

Авторъ воспоминаній (род. 1788 г.) вводитъ насъ въ среду средняго провинціальнаго дворянства конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка. Семья Броневскихъ патріархальна и религіозна. Она чужда столичному увлеченію вольтерьянствомъ и свободомыслiемъ. Среди воспитателей дѣтей мы не находимъ столь типичныхъ для столицы иностранныхъ гувернеровъ и учителей. Дѣти получили чисто русское воспитаніе подъ неусыпнымъ контролемъ родителей. Первыми учителями до поступленія въ кадетскій корпусъ были дворовой человѣкъ Степанъ и приходскій дьячекъ, по прозванію Телушка. Педагогическіе пріемы воспитанія не сложны и сводятся, преимущественно, къ поркѣ. Съ какимъ эпическимъ спокойствіемъ и даже съ нескрываемымъ сочувствіемъ вспоминаетъ Броневскій объ отцовскихъ экзекуціяхъ надъ дѣтьми и о поголовной поркѣ кадетъ въ корпусѣ!

Эта педагогическая система пригодилась въ будущемъ автору воспоминаній, когда онъ изъ скромнаго кадета превратился въ полновластнаго начальника экзекуціоннаго отряда, направленнаго противъ взбунтовавшихся воронежскихъ крестьянъ. Спокойно и увѣренно повѣствуетъ Броневскій, какъ онъ облагодѣтельствовалъ въ 1819 г. недовольныхъ крестьянъ солдатскими плетьми. Въ то же время Броневскій, несомнѣнно, честная, искренне-религіозная натура, не чуждая нѣкоторой сентиментальности. У него мы найдемъ много трогательныхъ мѣстъ при описаніи дѣтства, службы и походовъ.

Изъ воспоминаній Броневскаго мы приведемъ лишь то, что имѣетъ для насъ психологическій и историко-бытовой интересъ.

Р. Выдринъ.

---

[1]) Авторъ воспоминаній—младшій братъ Владиміра и Семена Броневскихъ, небезызвѣстныхъ военныхъ писателей и администраторовъ. Старшій братъ Владиміръ Богдановичъ пріобрѣлъ въ свое время популярность въ военно-дворянскихъ кругахъ своими «Записками морского офицера». Семенъ Богдановичъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири оставилъ послѣ себя память среди сибиряковъ, обратившій на него вниманіе Сперанскій назначилъ его начальникомъ Омской области, и Броневскій много сдѣлалъ для крестьянской колонизаціи степного края.

Болѣзнь ребенка и поѣздка къ знахарю.

«Первые четыре года моей жизни я находился на мѣстѣ моего рожденія въ г. Бѣлевѣ въ женскомъ монастырѣ у бабушки Марьи Васильевны Левшиной.

Вотъ случай, который могъ бы меня сдѣлать на всю жизнь несчастнымъ страдальцемъ. Меня кормила еще кормилица, мнѣ было уже около года. Понималъ все, что говорятъ. Былъ очень здоровый и веселый ребенокъ. Бабушка меня очень любила. Матушка съ отцомъ уѣзжали въ Смоленскъ къ роднымъ. Бабушка имѣла привычку послѣ службы Божіей, послѣ обѣда, отдыхать. Кормилица уложивъ меня въ колыбельку, висящую въ другой комнатѣ подъ занавѣской, сама улеглась спать. Во время ея сна бабушкина фаворитка, бѣлая кошка, вскочила въ колыбельку и, вѣроятно, меня соннаго напугала.

Кормилица была разбужена моимъ крикомъ.

Вскочила: находитъ кошку въ колыбелькѣ, а меня—лежащаго блѣднаго въ судорожныхъ движеніяхъ и съ закатившимися глазами, у рта пѣна, весьма ослабѣлъ дыханіемъ. Кормилица ужасно перепугалась. Желая скрыть свою неосторожность, не сказала бабушкѣ о происшествіи. Я сталъ ужасно худѣть. Какъ-то бабушка была нездорова. Желая меня имѣть передъ глазами, приказала люльку повѣсить возлѣ ея кровати. Бабушка не почивала—какъ вдругъ видитъ, что моя люлька дѣлаетъ необычайное сострясеніе. Вскочила, открыла мою занавѣску, видитъ меня въ припадкѣ младенческой болѣзни. Перепугалась очень, разбудила кормилицу, поднялся шумъ, крикъ, плачъ. Кормилица пала на колѣни, призналась, что скрывала болѣзненные припадки. Разосланы были посланные за докторами. Употребляли всѣ средства. Все было безполезно. Наконецъ, посовѣтовали, что есть старецъ въ Одоевскомъ уѣздѣ, живущій въ деревнѣ въ верстахъ 50-ти отъ Бѣлева, который необыкновенно успѣваетъ въ лѣченіи сей болѣзни. Но старикъ очень слабый: нѣсколько лѣтъ никуда не выѣзжаетъ, даже плохо ходитъ, живетъ въ глуши. *Дворянъ очень боится или не любитъ.* Были примѣры, что младенцевъ благороднаго происхожденія ни за какія деньги не брался лѣчить, а дѣтямъ простыхъ, все привозимымъ, пособлялъ. Отыскали женщину, которая недавно возила своего ребенка съ подобною болѣзнью, и старикъ въ одинъ день совершенно вылѣчилъ. Бабушка рѣшила отправить меня въ это селеніе. Нарядили въ простенькое платье, кормилицу одѣли тоже попроще. Вѣрнаго слугу Степана назвали мужемъ кормилицы, дали тройку лошадей, простую телѣгу и, подъ руководствомъ знакомой женщины, отправили.

По пріѣздѣ въ то селеніе остановились у мужика, знакомаго той женщины. Послали разузнать, какъ старикъ расположенъ, можетъ ли взять на себя трудъ пособить привезенному младенцу. Первый его былъ вопросъ: «Не дворянчикъ ли какой?»—«Нѣтъ, сынъ господскаго дворовaго человѣка».—«А какого господина?» Сказали, что госпожи Левшиной. «А, это другое дѣло. Эти господа добрые, я про нихъ всегда слышалъ добрыя рѣчи. Покажите мнѣ младенца». Принесли меня въ курную избу къ старику. Кормилица Ненила и Степанъ должны были разыгрывать роль моихъ родителей. Старикъ былъ почти слѣпой: очень близко разсматривалъ меня и сказалъ: «Да, надо пособить ребенокъ славный. Какимъ васъ Господь наградилъ прекраснымъ сыномъ. Какъ его имя?» Сказали: «Николай».—«Вотъ, еще и тёска мнѣ. Какъ не пособить. Господь поможетъ, будетъ здоровъ. Ну-ка, невѣстушка Дуняша, подай все снадобье. Ты знаешь, что нужно. Принеси миску, кружку чистой родниковой воды и три уголька горячихъ». Зажегъ свѣчку у образовъ, поставили къ образамъ столъ, покрыли бѣлой скатертью. Старикъ приказалъ меня положить на столъ къ образамъ головою. Онъ взялъ угольки, поставилъ миску у ногъ моихъ. Полилъ изъ кружки воды. Бросилъ угольки, сдѣлалъ шесть земныхъ поклоновъ передъ образами. Снялъ мѣдное распятіе, положилъ мнѣ на грудь, а я въ это время заснулъ. Старикъ сказалъ: «Спи, дитятко: будешь здоровъ». Потомъ взялъ приготовленное невѣсткой Дуней донцо, гребень, гребенку, намытку льну, раздѣлилъ на три равныя части, изъ каждой дѣлянки три раза на гребень (намоталъ) льну, по три раза расчесалъ гребенкой, потомъ по три раза щеткой. Погладивши, взялъ веретено: выпрялъ со всякой доли по три нитки. Вышло у него девять нитокъ... Положилъ нитки въ миску, гдѣ были вода и угольки».

Далѣе подробно описывается, какъ старикъ измѣрялъ мальчика намоченной ниткой и брызгалъ въ него водой съ угольками. Послѣ этой сложной процедуры обрядъ лѣченія окончился и мальчика повезли домой, предварительно одаривъ семью старца подарками. Самъ старецъ взять что нибудь за лѣченіе отказался.

Дѣтскіе годы братьевъ Броневскихъ.

«Отецъ нашъ былъ очень строгъ. Мы его очень боялись. При немъ не смѣли и пошевелиться, вѣчно сидѣли по угламъ въ дѣвичьей. Зато на свободѣ, безъ отца, отличались въ рѣзвостяхъ. Случилось видѣть крестины меньшого брата Александра. Вотъ у насъ былъ большой затѣйникъ, братъ Семенъ. Въ отсутствіе батюшки рѣшили сдѣлать надо мной обрядъ крещенія.

Въ одинъ прекрасный день, послѣ обѣда, матушка легла почивать, няня старуха также улеглась отдохнуть. Насъ четверыхъ заперли, по обыкновенію, въ дѣтской, которая окнами обращена была къ кухнѣ. Наканунѣ прошелъ сильный дождь; всѣ кадки, поставленныя подъ желоба для стоку съ крыши дождевой воды, были наполнены. Старшіе братья, составивъ игру, чтобы меня крестить, перенарядились: кто священникомъ, кто дьякономъ, а кто дьячкомъ. Накрылись одѣялами и простынями вмѣсто рясъ, вмѣсто кадила отправляли бутылки, привязанныя къ шнуру. Преспокойно отворили окно: меня высадили и сами вылѣзли. Кадка, наполненная водой, была высока. Я самъ не могъ взлѣзть туда. Братья стали подсаживать, голова моя перевѣсилась въ кадку, и я юркнулъ вверхъ ногами. Братья не могли меня удержать или вытащить обратно. Перепугались и разбѣжались. Господь сохранилъ мою жизнь. Поваръ Василій послѣ обѣда въ кухнѣ чистилъ посуду. Увидѣвъ, что мы вылѣзли въ окно, вышелъ въ самую минуту, когда я погруженъ былъ въ кадку, подбѣжалъ, вынулъ изъ воды совершенно мертваго, захлебнувшагося водой. Прибѣжали няня, горничныя дѣвушки, стали откачивать на простыняхъ. Шумомъ и суматохой разбудили матушку, слава Богу, привели меня въ чувство. Ожилъ. Братьевъ съ трудомъ отыскали въ конопляникѣ. Разумѣется, ихъ пересѣкли розгами, и подѣломъ. Отца не было дома. Запрещено было ему говорить. Я самъ увидѣлъ отца и разсказалъ, какъ я братьями былъ вторично крещенъ. Разумѣется, отецъ пересѣкъ порядочно вторично братьевъ, досталось и нянѣ, да и всѣмъ людямъ».

Описанный случай порки не единственный. Авторъ воспоминаній приводитъ еще одинъ случай, «когда брата Семена Богдановича, нынѣшняго генералъ-лейтенанта, отвели въ особую комнату, и самъ отецъ своеручно съ дядей высѣкли преизрядно».

Въ гродненскомъ кадетскомъ корпусѣ.[1])

«Учили фронту по два раза въ день. На плацъ ходили за городъ довольно далеко, нуждались въ обуви. Платье и пища были очень скудны: все на польской манеръ. Второе блюдо играло важную роль. Когда была различная каша—всѣ кадеты какъ-то веселѣй; но когда картофель, морковь и особенно пастернакъ, мы всѣ обрекались на голодъ.

Испыталъ на себѣ, что голодный ребенокъ много теряетъ передъ сытымъ: урокъ нейдетъ въ голову, всѣ мысли направлены

[1]) Первые годы XIX в.

какъ бы промыслить хлѣба. Онъ по корпусу составлялъ ходячую монету—за четверть фунта хлѣба можно было вымѣнять три листа бумаги, карандашъ, грифель, даже три-четыре пуговицы съ казеннаго мундира, вырванныя съ сукномъ у товарища. Это производилось обыкновенно по ночамъ, когда мундиры были сложены у дядьки въ особой комнатѣ. Онъ у насъ отвѣчалъ за утрату.

Вотъ—разскажу образъ кадетской торговли. О деньгахъ мы и не знали. Монетъ не видывали, хлѣбъ составлялъ всѣ финансовые обороты. Въ праздничный день—между молитвой и обѣдомъ вы увидите по камерамъ настоящій толкучій рынокъ. Всѣ кадеты на ногахъ (надо сказать, что у насъ запрещалось сидѣть на кроватяхъ). Между двухъ кроватей, поставленныхъ плотно одна возлѣ другой, стоялъ одинъ деревянный стульчикъ. Столовъ не было, почему два сосѣда могли садиться только поочередно, а прочіе всѣ стояли. Да и, правду сказать, свободнаго времени было очень мало: сидѣть некогда. Вы видите кадетъ, прогуливающихся по всѣмъ камерамъ, и изъ другихъ ротъ. На головѣ одни держатъ три листа бумаги, другой—карандашъ, остальные—грифель, пуговицы. Кричатъ: «Кто прогандлюитъ хлѣба? Вотъ три листа бумаги!» или называютъ другую вещь, что имѣютъ. Надо знать, что всякій кадетъ, продающій означенныя вещи, конечно, будетъ высѣченъ розгами, когда при прибытіи въ классы не окажется данной ему бумаги, карандаша или грифеля. Голодъ—не свой братъ: идешь смѣло подъ наказаніе, лишь бы утолить потребность желудка.

...Еще одна торговля очень скоро распространилась. Это дѣлали бумажные фонари, складные круглые. Я былъ мастеръ ихъ дѣлать и былъ одинъ разъ высѣченъ. Вотъ какъ это было. Во время вечернихъ классовъ нѣсколько кадетъ отпросились выйти до вѣтру. Отправились на Нѣманъ на ледъ. Зажгли фонари и давай кататься. Дежурный по корпусу, обходя классы, увидалъ огни на рѣкѣ, пошелъ туда, тоже имѣлъ въ рукѣ фонарь. Бойкій кадетъ, по фамиліи Кладухинъ, мастеръ кататься. Видя идущаго къ нему человѣка, очень осторожно ступающаго по льду, налетѣлъ на него, подбилъ и свалилъ съ ногъ. Дежурный былъ старшій Райковичъ, Алексѣй Максимовичъ, маіоръ. Разумѣется, ударъ былъ довольно сильный. Свѣча въ фонарѣ потухла. Кладухинъ, подойдя къ сваленному, съ торжествомъ свѣтитъ въ глаза своимъ фонаремъ. Со смѣхомъ спрашиваетъ: «Кого это свалилъ?» Увидя ошибку закричалъ: «Дежурный!» Мигомъ всѣ свѣчи въ фонаряхъ погашены. Кадеты разбѣжались и, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлись на мѣстахъ, каждый въ своемъ классѣ. Маіоръ

Райковичъ узналъ Кладухина и отправился прямо въ классъ. Застаетъ меня вызваннымъ къ доскѣ во французскомъ классѣ, дѣлающимъ склоненіе. Спросилъ учителя, много ли кадетовъ было имъ уволено до вѣтру. Каждому выдавался картонный билетъ, а по возвращеніи каждый кадетъ обязанъ былъ билетъ возвратить—положить возлѣ учителя на столѣ. Но билеты не были всѣ положены. Спросилъ: «У кого билеты выхода, впередъ!» Вышли виновные: у всѣхъ уши и щеки горятъ, башмаки порядочно въ снѣгу затоптаны. Нечего было дѣлать. Сознались, что были на Нѣманѣ, и сколько часовъ. Дежурный, обойдя всѣ классы, нашелъ виновныхъ человѣкъ 35. Преисправно, послѣ ужина, всѣхъ оставили и пересѣкли розгами.

На другой день началось слѣдствіе, откуда явилось такъ много фонарей. Открывается, что Броневскій младшій—дѣлатель фонарей. Меня вызвали. Были приготовлены скамейки. Разложили молодца. Никакія отговорки не приняты. Высѣкли. Всѣ фонари отобраны и истреблены; строго запрещено имѣть ихъ».

Въ Германіи.

Мы пропускаемъ путешествіе Броневскаго въ полкъ на Кавказъ, его службу на Кавказѣ и участіе въ войнѣ съ горцами. Все это описаніе носитъ протокольный характеръ и не представляетъ для насъ какого-либо интереса. Такой же протокольный характеръ носитъ разсказъ автора воспоминаній объ его участіи въ Отечественной войнѣ. Мы остановимся только на его воспоминаніяхъ о встрѣчѣ съ нѣмецкими поселянами и о вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. Посланный въ главную квартиру съ донесеніемъ къ Государю отъ Блюхера, Броневскій заблудился.

«Выйдя изъ лѣсу, попалъ на тропинку пѣшеходовъ, которая склонялась все ниже и ниже, вышелъ на прекрасную долину. Протекаетъ чистый ручеекъ. Я крѣпко усталъ, подошелъ къ ручью, умылся, освѣжилъ свое лицо, напился воды, докурилъ трубку. При мнѣ было зажигательное стекло. Посидѣлъ. Подумалъ, что дѣлать. Надо итти далѣе. Пошелъ по долинѣ по прежде найденной пѣшеходной тропинкѣ. Наконецъ, увидѣлъ прекрасный домикъ, обитый кругомъ чистымъ досчатымъ заборомъ. Подхожу; стучу въ двери. Нѣтъ ни души, а, видимо, сѣни заперты изнутри. Сѣлъ на крылечкѣ, опять закурилъ трубку. Ожидалъ развязку, чѣмъ все это кончится. Слышу изнутри отворилось маленькое окошечко, называемое у нѣмцевъ «вас-ис-дасъ», въ которое выставилась прехорошенькая женская головка. Я обернулся. Окошечко захлопнулось, хозяйка исчезла. Я звалъ, кричалъ, назы-

валъ себя русишъ-курьеръ и что я гутеръ-манъ.—Нѣтъ отвѣта. Опять усѣлся на крылечкѣ, но ободрился духомъ, видя, что я среди мирныхъ жителей. Наконецъ, вижу, бѣжитъ изъ лѣсу преогромная собака брузбартъ. Увидѣла меня и стала лаять. Я отошелъ отъ двери. Она стала проситься въ дверь. Видимо хозяйка, ободренная прибытіемъ собаки, предвѣстника скораго возвращенія хозяина, отворила дверь. Просила войти въ горницу. Наши объясненія пошли очень скоро. Хозяйка извинилась, что она опасалась меня въ домъ пустить, какъ робкая женщина и одна. Просила садиться, спросила, не желаю ли я чего покушать. Какъ отказаться, бывъ голоднымъ. Пошла хлопотать. Собака улеглась у моихъ ногъ, и я ее приласкалъ, и она со мной скоро познакомилась. Черезъ добрые два часа явился хозяинъ. Собака встрѣтила его лаемъ за двадцать шаговъ, прыгала, вертѣлась около него, лаяла. Вышла навстрѣчу и хозяйка, объявила о неожиданномъ гостѣ. Хозяинъ торопливо входитъ въ комнаты; я сидѣлъ за столомъ: снялъ шинель, былъ въ одномъ сюртукѣ, въ эполетахъ при эксельбантѣ и крестѣ Владиміра въ петлицѣ. Хозяинъ ко мнѣ, какъ видно, сталъ питать большое уваженіе. Онъ сталъ извиняться за свою супругу, что она меня приняла такъ неучтиво. Трудно мнѣ было съ нимъ объясняться. Онъ былъ большой говорунъ, человѣкъ уже пожилыхъ лѣтъ. Это былъ лѣсничій королевскаго лѣса. Одѣтъ въ свѣтло-зеленую куртку, черезъ плечо ягдташъ и двуствольное ружье. Чтобы меньше съ нимъ объясняться на словахъ, я подалъ мою подорожную. Какъ только онъ увидѣлъ три печати и подпись самаго Блюхера, захлопоталъ: «Русишъ-курьеръ, геръ ротмейстеръ!» Мигомъ принесъ бутылку вина, кусокъ сыра. Хозяйка принесла жаренаго пѣтуха. Тутъ явились яйца, молоко, свѣжее масло. Вошла премолоденькая, прехорошенькая дѣвочка лѣтъ 14-ти, привѣтливая и милая. Она долго разсматривала мою аммуницію, саблю, кисетъ, трубку, наконецъ, спросила, что у меня въ чемоданѣ. Надо было удовлетворить любопытство: вынулъ мундиръ. Она развернула его, увидала пряжку со св. крестомъ Владиміра, поцѣловала крестъ, примѣривала по длинѣ къ себѣ и говорила: «Я бы хотѣла быть мужчиной, чтобы итти бить французовъ. Вотъ братъ мой служитъ въ ландверахъ и Богъ его знаетъ, что съ нимъ». Мы въ короткое время такъ хорошо ознакомились, какъ будто вѣкъ жили вмѣстѣ. Наконецъ, дѣвица, разбирая мои пожитки въ чемоданчикѣ, увидала четыре платка носовыхъ, двѣ рубашки, одна изъ нихъ черная. Изъявила желаніе все бѣлье перемыть. Я ей сказалъ, что мнѣ хотя здѣсь и очень хорошо, но все-таки надо мнѣ продолжать свое странствованіе. Сказала, что два часа достаточно, и все бу-

детъ готово. И что же: мигомъ приноситъ отцовскую рубашку, требуетъ, чтобы я снялъ съ себя рубашку, обобралъ изъ кармановъ всѣ платки. У меня ихъ было всего шесть. Сама хотѣла снимать сапоги съ меня. Я попросилъ ее выйти, самъ раздѣлся, исполнилъ ея желаніе—отдалъ мое бѣлье въ мытье. И дѣйствительно, черезъ два часа все было готово, выглажено и уложено въ чемоданъ. Съ великимъ трудомъ могъ вручить ей одинъ имперіалъ и то уже съ пособіемъ отца и матери, сказавшихъ, что она будетъ носить его на крестѣ, а отецъ прибавилъ, что пригодится на приданое, когда выростешь и пойдешь замужъ. Надо было видѣть радость невинной дѣвушки, какъ она его подбрасывала, цѣловала, наконецъ, бросилась цѣловать меня, руки мои, словомъ была счастлива...

Былъ угощенъ, какъ нельзя лучше. Хозяинъ мнѣ сказалъ, что мнѣ нельзя до вечера никуда выходить, опасно, наткнешься на какой-нибудь патруль, хотя онъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не видалъ ни одного француза. Бывъ молодъ, беззаботливъ и при усталости моей залегъ спать, ночи три не спавши, уснулъ богатырскимъ сномъ до самаго вечера. Самъ хозяинъ пришелъ разбудить меня, сказавъ: «Я обязанъ сохранить русскаго курьера, намъ пора въ путь. Мы съ вами должны итти пѣшкомъ до перваго селенья верстъ 15. Темнота ночи насъ прикроетъ отъ всякой бѣды».

Распростились съ добрыми хозяевами, они сами меня расцѣловали и руки и плечи, благословляли на благополучное путешествіе, а дѣвица Элоза плакала неутѣшно. Проводила насъ далеко. Хозяинъ взялъ мою поклажу, и мы съ нимъ отправились по той самой тропинкѣ, по которой я пришелъ».

Вступленіе въ Парижъ.

«19 марта (1814 г.) Императоръ Александръ Павловичъ съ прусскимъ королемъ торжественно вступили въ Парижъ. Скажу слегка о моихъ впечатлѣніяхъ и, что я видѣлъ и слышалъ.

Крѣпость Сенъ-Дени вмѣстѣ съ Парижемъ сдалась. Мы заняли ее своими корпусами...

Народу была тьма. Не то что дома, но всѣ деревья унизаны были народомъ. Очень меня безпокоила лошадь. Она была щекотлива, при маломъ прикосновеніи брыкалась. Хотя я каждаго подходящаго близко, предостерегалъ, но отъ тѣсноты невозможно было избѣжать прикосновенія. Я удивленъ спокойствіемъ моего Черкеса: онъ стоитъ тихо и смирно, не обращая ниманія на окружающихъ его. Наконецъ, слышимъ громъ музыки. Народъ колеблется; всѣ взоры обращенны на побѣдителей, кричатъ: «Ви-

ватъ, Александръ?» Мы среди французовъ, какъ будто среди своихъ добрыхъ русскихъ гражданъ. Около самого меня и моей лошади стояло семейство изъ трехъ душъ, составлявшихъ толстаго барина въ національной гвардіи мундирѣ, миловидной и привѣтливой барыни и прехорошенькой миленькой барышни, ихъ дочери. Вдругъ слышу: дама проситъ меня позволить ей и дочери стать на мою лошадь, чтобы видѣть яснѣй всю церемонію. Я объясняю, что моя лошадь не спокойна, можетъ ушибить. Дама, лаская лошадь по головѣ, поцѣловала и сказала: «Она добрая и позволитъ мнѣ стать на нее и увидѣть торжество ваше во всемъ блескѣ». Представьте мое удивленіе: мой Черкесъ преспокойно стоялъ. Я подсадилъ барыню и барышню, поставилъ ихъ на ноги на сѣдлѣ; поддерживалась барыня за меня, а дочь за отца. Я имъ такъ угодилъ сей услугой, что онѣ дали мнѣ адресъ свой, а этотъ господинъ былъ мнѣ во многомъ полезенъ во все пребываніе наше въ Парижѣ. Описать торжественное шествіе невозможно. Я самъ не видалъ гвардіи нашей... Французы удивляются стройности и равненію, тишинѣ. «Виватъ, Александръ!» не прерывалось.

Войска прошли, толпы народа разошлись. Наши генералы поѣхали обѣдать въ лучшіе рестораны, въ Пале-Рояль къ г-ну Вера. Что за великолѣпные залы, какая мебель, что за прислуги въ богатыхъ ливреяхъ! Какая посуда, хрусталь, столовое бѣлье! Какія подали кушанья, вина, и какъ это все подано чисто, опрятно! Заплачено щедро. Толпы французовъ входили въ залы, смотрѣли на насъ, какъ на чудо. Удивлялись, какъ мы говоримъ по-французски даже между собой. Наши генералы расплатились и еще удивились, что такъ дешево. Возвратились въ свой лагерь. Черезъ часъ или два, ну, словомъ, съ вечера 18-го числа всѣ наши лагери сдѣлались толкучими рынками Въ одинъ мигъ нанесли, чего угодно. Торгу не было, но деньги брали, что дашь. Конечно, намъ казалось все дешево. Да и гдѣ же найдешь такое изобиліе апельсиновъ, лимоновъ, яблокъ, свѣжаго винограда, разныхъ сластей, винъ бутылками и полубутылками: портера, ликера, разныхъ пироговъ, пирожковъ, устрицъ, сыра, булокъ, словомъ, чего хочешь, того и проси.

На другой день явились въ экипажахъ дамы; пресвободно разъѣзжали; ежели къ нимъ подходили офицера, знающіе французскій языкъ, очень ласково разговаривали, подчивали апельсинами. Наши щедро подносили дамамъ въ платкахъ накупленныхъ апельсинъ, яблокъ, конфектъ и подчивали дамъ. Знакомства дѣлались въ одинъ часъ. Намъ всѣмъ было разрѣшено ходить въ городъ, но требовалось, чтобы быть въ мундирахъ,

чисто одѣтыми и быть всегда во всемъ учтивыми и ласковыми. Солдатамъ по одиночкѣ ходить запрещалось. Ну, просто сказать, мы были какъ будто въ Москвѣ, въ Петербургѣ или въ какомъ либо хорошемъ губернскомъ городѣ. Всѣ проходящіе кланялись намъ преучтиво. Мы имъ отвѣтствовали тѣми же учтивостями. Заходили въ церкви, молились Богу. На насъ смотрѣли всѣ съ удивленіемъ. Въ театрахъ кресла были заняты нашими офицерами. Тамъ цѣны дешевле нашихъ—45 коп. сереб. кресло».

Экзекуція надъ воронежскими крестьянами.

По возвращеніи въ Россію Н. Б. Броневскій быстро дѣлаетъ военную карьеру. Мы очень скоро видимъ его въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ «внутреннихъ враговъ». Во главѣ эскадрона онъ усмиряетъ крестьянъ помѣщика Синявина въ селѣ Конь-Колодезь, Задонскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

Вотъ что онъ разсказываетъ о Воронежской экзекуціи: «Октября 3-го дня (1819) былъ посланъ съ экскадрономъ на экзекуцію въ с. Конь-Колодезь для приведенія въ повиновеніе крестьянъ помѣщика, отставного флота капитана командира Григорія Алексѣевича Синявина. Ночевали въ с. Березовкѣ. 4-го прибылъ въ Конь-Колодезь, Задонскаго уѣзда. Выѣхали, для введенія меня въ обязанность, капитанъ-исправникъ, отставной поручикъ Истоминъ, назначенный опекунъ отъ дворянъ отставной капитанъ Ползиковъ. Самъ полковой мой командиръ полковникъ Владиміръ Ивановичъ Сонинъ былъ при вступленіи эскадрона.

Крестьяне всѣ были собраны. Имъ исправникъ прочелъ указъ Воронежскаго Губернскаго Правленія, что я присланъ съ эскадрономъ заставить ихъ повиноваться помѣщику, въ противномъ случаѣ мнѣ предоставлена власть наказывать тѣлесно, въ случаѣ ослушанія, предавать суду, отправлять въ уѣздный городъ. Жители обязаны были людей продовольствовать на свой счетъ: всякій день фунтъ говядины и чарка водки, лошадямъ опредѣлены были двойныя доли т.-е. 6 гарнцевъ овса и 20 фунтовъ сѣна.

Въ селѣ Конь-Колодезь 1800 душъ ревизскихъ мужского пола. Селеніе отличное, богатое и устроенное, очень хорошее.

Неповиновеніе ихъ состояло въ томъ, что они не хотѣли тремя сохами въ день вспахивать указанную десятину, а требовали, чтобы ставили четыре сохи, считали господскій лѣсъ въѣзжимъ, истребляли его нещаднымъ образомъ, вывозили и продавали. Прочія работы исполняли и повиновались безропотно.

Я началъ съ того, что эскадронъ разставилъ по крестьянамъ, на каждые 10-ть дворовъ былъ десятскій солдатъ. Онъ отвѣчалъ

за всякій безпорядокъ. Ни одинъ крестьянинъ не могъ отлучиться изъ селенія безъ билета моего, не могъ ничего вывозить и продавать. Все имущество, скотъ и хлѣбъ были описаны. Это распоряженіе очень не понравилось крестьянамъ. Начали тайно по ночамъ выходить и даже вывозить задними воротами разные продукты и даже имущество, но посылаемыми патрулями и разъѣздами всегда ловились и *наказывались публично на сходкѣ*. Приведя въ извѣстность и описавъ все имущество у крестьянъ, оказалось, что людей они прокормятъ безъ всякаго отягощенія, ибо одинъ солдатъ доставался на десять душъ. Фуража могло быть у крестьянъ только на два лица. Разрѣшалось брать помѣщичій, и самъ онъ былъ на сіе согласенъ.

Такъ какъ эскадронъ пришелъ въ глубокую осень, то надо было ожидать весны, чтобы видѣть успѣхъ полевыхъ работъ, и поэтому до весны жили покойно. Всѣ наряды исполняли безропотно. Не было никакой надобности употреблять какую-нибудь строгость.

Эскадрону стоять было чрезвычайно хорошо. Мой эскадронъ былъ сформированъ отлично, ни жалобъ, ни ссоръ не было, и съ г.г. офицерами квартировалъ въ господскомъ домѣ въ большой залѣ. Люди обучались пѣшей службѣ, но, такъ какъ полъ былъ паркетный, то люди всегда сапоги снимали. Строевыя лошади поставлены были по конюшнямъ коннаго завода, который самъ помѣщикъ еще до прибытія моего вывелъ въ другое свое имѣніе. Люди стояли по квартирамъ, переходя отъ одного хозяина до другого, такъ что конно-егерь на квартирѣ могъ ночевать развѣ черезъ десять дней. Хозяинъ во все время дня и ночи обязанъ быть со своимъ семействомъ дома. Постоялецъ отвѣчалъ за отлучныхъ.

Первыя двѣ недѣли приходилось дѣлать наказаніе, а потомъ жили, какъ будто изъ одного семейства.

Всѣ крестьяне меня очень любили и всегда называли отцомъ и защитникомъ.

У помѣщика была огромная каменная рига. Я отдѣлилъ четвертую часть, сдѣлалъ барьеръ, насыпалъ песку. Вышелъ отличный манежъ. Такой стоянки я не имѣлъ во всю мою службу. Лошадей раскормилъ. Служба шла регулярно. Эскадронъ поставилъ какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ на самую лучшую степень. Отбылъ многіе смотры. Всѣ начальники были довольны. Самъ помѣщикъ не желалъ, чтобы была снята экзекуція. Я не имѣлъ выгодъ, которыя имѣютъ мои товарищи всѣ эскадронные командиры. Я не получалъ на содержаніе эскадрона ни одной копѣйки. Все выдавалось натурой. Фуражъ могъ оставаться и даже много, но я продавать не смѣлъ и не могъ, чтобы не попасть въ отвѣтственность.

Съ открытіемъ полевыхъ работъ крестьяне попробывали недопахивать тремя сохами десятины земли, оставляя четвертую часть, говоря, что не успѣваютъ. Но когда высланы были конные егеря съ плетьми, на каждыя десять десятинъ по одному, опредѣленно всѣмъ тремъ работникамъ, недопахавшимъ десятину, по 50-ти плетей, а ефрейтеру, недосмотрѣвшему за успѣхомъ, 25 плетей, то къ четыремъ часамъ всѣ десятины были окончены. А для опыта на двухъ десятинахъ было поставлено по двѣ сохи, на каждую соху было по одной лошади подставной, и тѣ къ 6-ти часамъ окончили свои десятины. На другой день было собрана сходка и объявлено, что дѣлается постановленіе разъ навсегда: кто не допашетъ своего участка, тотъ наказуется на сходкѣ публично и участокъ долженъ окончить въ свой день.

Крестьяне работали постоянно по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ на помѣщика, въ четвергъ пятницу и субботу— на себя. Праздники не работали на чьихъ бы дняхъ они ни случились. Требовалось, чтобы всѣ были къ обѣднѣ. Народъ особенно усердный къ церкви. Всегда одѣты чисто, опрятно, особенно—женщины; нравственность прекрасная. Крестьяне очень зажиточны, скотоводство изобильное, въ особенности имѣли отличныхъ лошадей, занимались извозомъ и гоньбой дерева на большой московской дорогѣ.

И такъ простоялъ на экзекуціи съ 3-го октября по 9 мая, слишкомъ семь мѣсяцевъ. Крестьянъ привелъ въ совершенное повиновеніе. Помѣщикъ остался доволенъ. Мое начальство благодарило. Въ казнѣ осталось полное продовольствіе за 9 мѣсяцевъ на комплектный эскадронъ. Для пополненія позволительной экономіи для полкового командира я кормилъ, можно сказать откармливалъ, во все время по 50-ти лошадей и 25 человѣкъ, не получая фуража и провіанта. Мои и г.г. офицеровъ лошади кормились вволю. Люди нашего эскадрона получили отъ своихъ хозяевъ по три рубашки, по двое шароваръ славнаго холста. Для эскадрона пошиты были на кивера чемоданы изъ черной клеенки, чехлы, всѣ необходимые мѣшечки и торбы для лошадей. По парѣ сапогъ выслалъ помѣщикъ, по четыре пары подковъ на каждую лошадь сдѣлалъ также помѣщикъ. Словомъ сказать, эскадронъ былъ вполнѣ снабженъ всѣмъ необходимымъ.

Мая 9-го послѣ обѣдни, отслужа молебенъ, эскадронъ былъ собранъ и выстроенъ для выступленія. Всѣ жители отъ мала до велика вышли провожать. Я купилъ 10-ть ведеръ водки, это пожертвовалъ откупщикъ, перепоилъ всѣхъ хозяевъ и постояльцевъ.

Крестьяне сами охотно вызвались везти нашъ багажъ и фуражъ. Всякаго запасу было привезено на цѣлый комплектъ».

Военныя поселенія.

Къ сожалѣнію, очень мало сообщаетъ Броневскій о своемъ командованіи въ военныхъ поселеніяхъ. Вотъ все, что имѣется въ его воспоминаніяхъ относительно этого времени его жизни.

«20 числа (1824 г.) былъ утвержденъ командиромъ поселенныхъ и резервныхъ эскадроновъ. Іюля 4-го по приказу полковника Богданова вступилъ въ командованіе эскадронами. Въ теченіе всего іюля и всего августа принималъ эскадроны. Обязанность командира велика, хлопотлива и трудна, особенно, для новаго человѣка. Трудно привести все въ порядокъ, но я имѣлъ очень хорошихъ моихъ сотрудниковъ. Въ короткое время всѣ недостатки исправили. Весь годъ прошелъ въ исправленіи служебныхъ обязанностей. Огромныя были занятія переселять нашихъ военныхъ поселянъ изъ хуторовъ въ большія селенія на проэктированные планы безъ всякихъ постороннихъ пособій своими средствами. Надо было перевозить съ хуторовъ дома со всѣми на дворѣ строеніями, устраивать на планахъ огромныя селенія. Надо было располагать работами такъ, чтобы полевыя работы были исполняемы неукоснительно въ свое время. Въ сіи два года Господь благословилъ хорошими урожаями; всѣ поля были разрѣзаны на участки; болѣе шести сотъ дворовъ перевезено и поставлено, такъ что другіе не хотѣли вѣрить столь успѣшному переселенію. Сначала хозяева очень неохотно и даже съ ропотомъ переселялись, но когда увидѣли, что ихъ на новыхъ мѣстахъ устраивали общими силами, и все идетъ очень успѣшно, сами просили скорѣйшаго водворенія на новыхъ мѣстахъ».

Заключеніе.

Заканчиваетъ свои воспоминанія генералъ Броневскій слѣдующимъ обращеніемъ къ сыновьямъ:

«Эти краткія замѣтки изъ жизни и службы моей да послужатъ вамъ напоминаніемъ, что вашъ отецъ, какъ истинный рыцарь, служилъ царю и отечеству, вотъ уже пошелъ 49-ый годъ, не былъ баловень счастья, все ему доставалось нелегко, вѣчно въ нуждѣ и недостаткахъ, но все переносилъ безропотно, всегда полагая свое упованіе на святую волю Всевышняго Творца. Его святая десница видимо покровительствовала, и, вотъ, дожилъ до шестидесяти четырехъ лѣтъ, дослужился до чина генерала-маіора, нѣтъ ничего и никакого достоянія. За то васъ—два молодца. Вы подпора послѣ моей смерти старости матери, наставники сестеръ. Я въ этомъ твердо увѣренъ и спокойно переселяюсь по назначенію природы въ жизнь вѣчную».